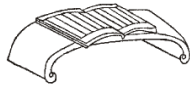

宋祁。宋景文公筆記

Сун Ци ЗАМЕТКИ ГОСПОДИНА СУН ЦЗИН-ВЭНЯ

Иногда, по воле прихотливых и неумолимых исторических обстоятельств, мы помним человека главным образом по тому, с чем единственно и прочно оказалось связано его имя. Так, великий мыслитель и литератор Хань Юй искренне полагал, что именно стихам его, но не прозе суждено остаться в веках, но история и потомки рассудили иначе, и ныне мы знаем Хань Юя как одного из высочайших китайских стилистов прозы древнего стиля; а цзиньский литератор Юань Хао-вэнь (元好問 1190—1258) делом своей жизни почитал составление антологии «Чжун чжоу цзи» (中州集 «Собрание Чжунчжоу»), однако ныне он почитаем как своеобразный и удивительный поэт. Вот и сунский Сун Ци — ныне мы связываем его имя прежде всего с составлением новой танской истории, однако же именно Сун Ци мы обязаны употреблением термина *бицзи* в названии сочинения, именно Сун Ци положил таким образом начало формированию этой особой формы авторского сборника.

Сун Ци (宋祁 второе имя Цзы-цзин 子京, посмертное имя Цзин-вэнь 景文) родился в 998 г. и умер в 1061-м, прожив шестьдесят четыре года. По свидетельству современников, рождению Сун Ци и его старшего брата Сун Сяна (宋庠 996—1066, посмертное имя Юань-сянь 元憲) предшествовали благовещие сны: «Мои земляки передают, — писал в своем сборнике "Чжу ши" (塵史 "История с мухогонкой [в руках]) Ван Дэ-чэнь (王得臣 1036—1116), — что мать Юань-сяня увидела во сне человека в красных одеждах, который протянул ей большую жемчужину. [Женщина] ее взяла и положила за пазуху, а когда проснулась, то обо всем этом вспомнила — и родился Юань-сянь. Позднее [ей] снова приснился тот же человек в красном, протягивающий ей "Литературный сборник", — и вслед за этим родился Цзин-вэнь. Оттого детское имя его и было Сюань-гэ, Избранный братец»¹. В сунской династийной истории сказано, что братья

¹ Ван Дэ-чэнь. Чжу ши. С. 32 (здесь и далее отсылки идут к шанхайскому изданию 1986 г.).

Сун «были родом из Аньлу области Аньчжоу (совр. пров. Хубэй), а позднее переехали в Юнцю, что у Кайфэна (Хэнань)», но это не совсем правильно, поскольку из сочинений самого Сун Ци известно, что род Сунов перебрался в окрестности Кайфэна еще четыре поколения назад, а в Аньлу братья Сун оказались после смерти отца, Сун Ци (宋玘 ?—1017)¹, попав туда на попечение приемной матери, госпожи Чжу 朱夫人.

Юные годы Сун Ци и его брата прошли в бедности и были вполне типичны для иных сунских книжников, впоследствии составивших славу китайской культуры (например для Оуян Сю): «Когда в юности я начинал учиться, у меня не было ни наставника, ни однокашников. В бедном нашем доме не имелось книг, и я самостоятельно упражнялся в сложении стихов и од», — писал будущий автор «Сун цзин вэнь гун би цзи» (фрагм. 23). А вот свидетельство Ван Дэ-чэня:

Приемная мать Сун Юань-сяня, госпожа Чжу, была моей соседкой. Когда [Юань-сянь] и его младший брат Цзин-вэнь еще не сдали экзаменов и были у нее на попечении, то и учились они в Аньлу. Жили бедно. В праздник зимнего солнцестояния [они] созвали однокашников на выпивку, и Юань-сянь сказал гостям: «Вот пришел праздник, а нам и угощения купить не на что. Только и есть что вот — лян серебра с ножен нашего батюшки, хватит, чтобы накрыть на стол». А потом добавил с улыбкой. «В день зимнего солнцестояния проедаем ножны от меча, а на новый год будем есть сам меч!»²

Плохо обеспеченное юношество, видимо, оказало определенное влияние на каждого из братьев; по крайней мере, современный исследователь Ван Жуй-лай 王瑞來 на ряде примеров показывает, что Сун Сян на всю жизнь остался рачительно-бережливым, а вот будущий автор «Сун цзин вэнь гун би цзи» (宋景文公筆記 «Заметки господина Сун Цзин-вэня») — сохранил, тем не менее, склонность к пирушкам и прочим достойным книжника и конфуцианца увеселениям³.

Как и положено, Сун Ци учился дома, но известно также, что он получал образование и вне его, об этом пишет все тот же Ван Дэ-чэнь: «Мои земляки передают, что когда Сун Цзин-вэнь еще не ездил сдавать экзамены, он учился в буддийском скиту в Юньяне»⁴. Закончив учение, Сун Ци принял участие в экзаменах. «У меня не было помыслов утвердить, как го-

¹ Отец их был мелким чиновником — наивысшей должностью, которой он достиг, стал пост начальника уезда, а умер он на посту областного военного инспектора. Сун Ци тогда было двадцать лет. Мать Сун Ци и Сун Сяня носила фамилию Хань 韓. Впрочем, на этот счет есть разные мнения: так, в «Тань юань» (談苑 «Сад бесед») Кун Пин-чжуна (孔平仲 кон. XI—нач. XII в.) говорится: «У Чжун Чжу-цзо 鐘著祚 родилось две дочери и старшая вышла замуж в семью Сун, родила Сяня и Ци» (цит. по: *Дин Чуань-цзин*. Сунжэнь иши хуэйбянь. С. 309).

² Ван Дэ-чэнь. Указ. соч. С. 28—29.

³ Ван Жуй-лай. Шилунь Сун Ци. С. 71—72. В частности, Ван Жуй-лай приводит в качестве примера эпизод о том, что, когда братья Сун уже служили при дворе, в новогодний праздник Сун Сян одиноко предавался чтению «Книги перемен», тогда как Сун Ци провел это время на веселой пирушке с друзьями; наутро Сун Сян попенял младшему брату, коря его за расточительность и короткую память, из которой уже выветрились воспоминания о том, как в свое время они скудно питались.

⁴ Ван Дэ-чэнь. Указ. соч. С. 58. О бедности братьев Сун см. его заметку на с. 28—29.

ворится, свое имя в нынешнем веке, но лишь вынашивал я планы, считая, как говорится, просо, содержать близких и умножать славу рода своего». Иными словами, Сун Ци единственно хотел получить хорошее место в аппарате управления страной — его влекла не литературная слава, но желание дать достойное обеспечение родственникам и верной службой заслужить почет и славу. Судя по всему, не имел Сун Ци и особо честолюбивых планов. Исходя из вполне утилитарной цели, он пошел по проторенному многими предшественниками пути: стал копировать литературные образцы, признававшиеся современниками лучшими, справедливо полагая, что овладение таким стилем принесет ему успех на экзаменах. «В двадцать четыре [года] мне удалось передать свои сочинения цзайсяну господину Ся¹, и он выделил их, счел, что [благодаря им] я непременно получу высшую степень» (фрагм. 23)². Так оно и вышло: на второй год под девизом прав-

¹ То есть Ся Суну (夏竦 985—1051), сунскому государственному деятелю и литератору. Не совсем ясно, где и в какое время Сун Ци показал образцы своих сочинений Ся Суну; по крайней мере, в четвертой цзюани «Цин сян цза цзи» (青箱雜記 «Разные записки Цин-сяна») У Чу-хоу (吳處厚 XI в.) сказано, что они с Ся Суном виделись, когда последний управлял областью Аньчжоу, где тогда жили братья Сун; и Ся Сун весьма высоко оценил произведения Сяна и Ци, сказав, мол, дарования Сяна таковы, что он вполне может стать министром, да и младшему брату вполне по плечу занять место среди императорских приближенных.

² Приведу здесь полный перевод весьма значимого и постоянно цитируемого автобиографического фрагмента из «Сун цзин вэнь гун би цзи»: «Когда в юности я начинал учиться, у меня не было ни наставника, ни однокашников. В бедном нашем доме не имелось книг, и я самостоятельно упражнялся в сложении стихов и од. У меня не было помыслов утвердить, как говорится, свое имя в нынешнем веке, но лишь вынашивал я планы, считая просо, содержать близких и умножать славу рода своего. В двадцать четыре [года] мне удалось передать свои сочинения цзайсяну господину Ся, и он выделил их, счел, что [благодаря им] я непременно получу высшую степень [на экзаменах]. Я терялся в догадках: так ли выйдет? В год *цзя-цзы* под девизом правления Тянь-шэн я [в качестве] рекомендованного прибыл из родных мест в Департамент церемоний. И поскольку Лю Гун-тань, *сюэши* палаты Лунту[гэ], главный экзаменатор по одическим произведениям, весьма высоко оценил [меня] перед двором, я надел шапку ученого. С тех пор я изо всех сил взялся, как говорится, закалять и оттачивать, все силы положив на учение; я старательно копировал сочинения знаменитостей. Все начетчики очень хвалили меня, говоря, что я делаю правильно. Когда же мне минуло пятьдесят, я был призван для составления танской истории, и на нее были направлены все мои помыслы в течение десяти с лишним лет. Я сполна изучил сочинения предшественников и постиг, сколь много трудно сочинительство. Осознав это всем сердцем, я обратился к древним авторам — и только тогда начал понимать главное. [Я] просмотрел все то, что создал за свою жизнь, и покраснел от стыда, потом покрылся. Мне стало ясно, что я не написал еще ничего достойного, а то, чему [я] отдавал все силы, — простые отбросы, что называется, соломенная собака (чучело из соломы, которое в Древнем Китае использовали во время жертвоприношений, а по окончании таковых выбрасывали за ненужностью; впоследствии данное выражение стало синонимом никчемного хлама, который только на выброс и годится. — И. А.). Ведь сочинение должно само создавать себе славу, только так оно впоследствии будет передаваться [из поколения в поколение], не увядая. Ибо — круг чертят с помощью циркуля, а квадрат поверяют угольником, но в конечном итоге [циркуль и угольник] всего лишь слуги людские. Древние насмеялись над тем, когда, что называется, в доме строят дом (образно об излишнем нагромождении, чрезмерном усложнении. — И. А.). Справедливо. Хань Юй говорил: "Суть в том, чтобы отбросить прочь избытые слова. И это — главное при сочинительстве любом". Пять канонов ("И цзин" 易經, "Книга перемен", "Шу цзин" 書經, "Книга истории", "Ши цзин" 詩經, "Книга песен", "Ли цзи" 禮記, "Книга установлений" и "Чунь цю" 春秋, "Весны и осени". — И. А.) — все они разные по форме, а после того как не стало Кун-цзы, сочинители расцвели пышным цветом, но традиция перестала передаваться из поколения в поколение, и

ления Тянь-шэн (1024) Сун Ци вместе со своим старшим братом благополучно выдержал столичные экзамены и получил степень цзиньши. По списку Сун Ци шел первым среди выдержавших, а Сун Сян — лишь третьим. Однако фактически управлявшая страной императрица Чжан-сянь (Чжан-сянь мин-су, 章獻明肅 969—1033), как сказано в сунской династийной истории, «не пожелала, чтобы младший брат был впереди старшего, и распорядилась отдать первое место [Сун] Сяну, а [Сун] Ци отодвинула на десятое место». Сун Ци получил назначение на должность туйгуаня в область Фучжоу (Хубэй). Служба в провинции продолжалась недолго: по протекции сановника Сунь Ши (孫奭 962—1033), чрезвычайно ценившего Сун Ци, он был назначен в Далисы (Судебная палата) и преподавателем в столичное училище.

Сун Ци служил всю жизнь с переменным успехом в столице и провинциях: был *чжичжигао* (чиновником, ведающим составлением черновиков императорских бумаг), занимал пост в Управлении департаментов (Шаншуншэн), был членом придворной академии Ханьлиньюань, начальником областей Шоучжоу и Хаочжоу (обе располагались на территории совр. пров. Аньхой), Чэньчжоу, Чжэнчжоу и Сюйчжоу (все — Хэнань), Ичжоу (Сычуань), Динчжоу (Хэбэй), начальником столицы Сычуани, города Чэнду (1056), и др. В годы под девизом правления Цин-ли (1041—1048) Сун Ци под влиянием старшего брата, к которому он всю жизнь относился с огромным уважением и мнение которого было для Сун Ци врезвычайно весомым, выступил против реформ, предлагаемых Фань Чжун-янем¹, хотя многие из сторонников реформ были его хорошими знакомыми и близкими друзьями, да и с самим Фань Чжун-янем их связывали вполне приятные отношения: когда тот был отправлен служить в провинцию, Сун Ци, несмотря на предшествующие формальные разногласия, оказался одним из очень немногих, поддержавших его. Сун Ци написал стихотворение «Сун фань си вэнь» (送范希文«Провожая Фань Си-вэня»), выразив в нем скорбь

те, кто жил до нас, сумели понять, в чем тут смысл. Уху! Я прозрел слишком поздно. Но ничего, если Небо продлит еще мои года, чаю я в старости добиться совершенства».

¹ Фань Чжун-янь (范仲淹 989—1052) — сунский сановник и реформатор. Из родовитой, но обедневшей чиновничьей семьи. Осиротел в возрасте двух лет. Усердно учился и в 1012 г. стал цзиньши. По протекции Янь Шу (晏殊 991—1055) был назначен сверщиком текстов в Императорскую библиотеку — так началась его карьера. Позднее Фань Чжун-янь стал членом придворной академии Ханьлиньюань, заместителем начальника Шумиюаня и каньчжи чжэнши. Активно боролся против Люй И-цзяня (呂夷簡 979—1044), сосредоточившего к тому времени всю высшую власть в стране в своих руках, в частности, Фань Чжун-янь подал на высочайшее имя доклад «Сы лунь» (四論 «Четыре суждения»), где раскритиковал всесильного министра и политику двора, за что и был выслан служить в Жаочжоу (Цзянси). Со временем Фань стал лидером оппозиции. В 1040 г. Фань Чжун-яня по его просьбе перевели служить в Яньчжоу, важнейший стратегический пункт в военном противостоянии с тангутами; там по его инициативе были возведены оборонительные сооружения; также большое внимание Фань Чжун-янь уделил обучению пограничных войск. В 1043 г. Фань стал помощником цзайсяна и подал императору доклад, в котором излагал свой план реформирования системы управления. Однако в 1044 г. Фань усилиями противников реформ был отправлен в отставку. Тонкий знаток конфуцианского канона. СШ: 314. (Здесь и далее: СШ — сунская династийная история «Сун ши»; цифры обозначают порядковый номер цзюани, в которой содержится официальная биография данного лица.)

о несправедливости, допущенной в отношении этого видного сановника. Подобный поступок требовал достаточного мужества.

В 1045 г. Сун Ци получил назначение на пост сюэши в палату Лунту-гэ¹ и в Историческую палату². Немного ранее прославившийся эрудицией Сун Ци получил от двора распоряжение принять участие в руководимой Оуян Сю работе по составлению новой официальной истории династии Тан (新唐書 «Синь тан шу»). В этом сочинении Сун Ци принадлежит раздел «Ле чжуань» (列傳 «Отдельные жизнеописания») в 150 цзюанях — две трети всего текста: в сравнении с «Цзю тан шу» (舊唐書 «Старая история [династии] Тан») выполненные им жизнеописания выгодно отличаются привлечением большого количества не использованных в «Цзю тан шу» дополнительных материалов, в том числе сюжетной прозы, бицзи, семейных и домашних хроник, неофициальных исторических сочинений, что позволило Сун Ци значительно расширить отдел биографий как в части содержания уже имевшихся ранее, так и в части введения новых, ранее отсутствовавших: Сун Ци добавил триста десять новых биографий и обогатил уже существовавшие более чем двумя тысячами исторических эпизодов и свидетельств. Над составлением «Синь тан шу» Сун Ци трудился непрерывно семнадцать лет (с 1044 по 1060 г.); он возил материалы с собой от одного места службы к другому:

Каждый раз, как заканчивался пир [в его доме], растворяли двери в опочивальню, опускали там занавеси и зажигали две большие свечи. Две служанки стояли тут же, готовые напиться кистью тушью или разворачивать бумагу. И всем кругом становилось ясно, что господин Сун работает над танской историей. Издали он напоминал бессмертного святого! —

говорится в «Дун сюань би лу» (東軒筆錄 «Заметки с восточной веранды») Вэй Тая (魏泰 1050—1110)³. Когда же работа была закончена, при дворе пожелали, чтобы текст, написанный двумя разными людьми, приобрел стилистическую однородность; это было поручено Оуян Сю, но он по здравом размышлении отказался что-либо менять в принадлежащей Сун Ци части; более того — когда было решено подписать «Синь тан шу» одним лишь именем, именем руководителя работы, Оуян Сю так же решительно воспротивился этому и настоял на том, чтобы имя Сун Ци значилось на составленных им биографиях, ведь фактически написанное им в два раза превышает написанное для новой танской истории самим Оуян Сю. В «Мо чжуань мань лу» (墨莊漫錄 «Неспешные записи из Мочжуана») сунского Чжан Бан-цзи (張邦基 XII в.) об этом сказано так:

¹ Лунтугэ — палата, где первоначально хранились личные бумаги, книги, картины и т. п. императора Тай-цзуна. В 1004 г. была учреждена служба для поддержания Лунтугэ в порядке; в 1007 г. в палате были учреждены должности *сюэши* (букв.: «ученый муж»).

² Данное придворное учреждение, традиционно возглавляемое по совместительству чиновником министерского ранга и основанное еще при династии Тан, занималось составлением официальной династийной истории, календарными счислениями и хранением императорских документов; Сун Ци служил там на должности *сючжуаня*, придворного историографа (их назначали из числа придворных).

³ Цит. по: *Дин Чуань-цзин*. Сунжэнь иши хуэйбянь. С. 287.

Двор счел, что одна книга, написанная двумя людьми, не может обладать единым стилем, а потому велел господину [Оуяну] внимательно просмотреть раздел биографий и внести в него правку, [дабы] стиль был един. Господин хотя распоряжение и принял, но манкировал, сказав со вздохом: «Господин Сун — он ведь принадлежит к старшему поколению, и то, что мы с ним знаем, во многом расходится, — так неужели же могу я проштудировать [все то], что он уже изложил!» — не стал вовсе ничего менять. Труд был закончен, представлен в Цензорат, и цензор сказал: «Раньше при составлении таких сочинений указывалось имя только одного [автора] — высшего по должности, и вы, господин, высший, а потому подписывать [книгу] вам». «Но заслуги господина Суна в разделе биографий тоже крайне значительны! — возразил господин [Оуян]. — [Он] потратил столько много времени, так неужели же возможно обойти его и замолчать его заслуги?» Оттого погодные хроники и раздел записей были подписаны именем господина [Оуяна], а биографии подписаны именем господина Суна. Узнав об этом, господин Сун возрадовался: «С древности литераторы друг с другом соперничали, всё третировали друг друга, но этот случай — никогда о подобном не слышал!»¹

Сун Ци вовсе не ждал за эту работу особых почестей — нет, «Синь тан шу» дала ему возможность в полной мере явить свои таланты историка. Однако же почести последовали: Сун Ци был назначен первым заместителем начальника Управления департаментов (Шаншушэна) и начальником Департамента работ, но вскоре умер². В соответствии с традицией и заслугами, посмертно Сун Ци был пожалован должностью начальника Управления департаментов (Шаншушэна); домашние же его, чтя волю усопшего, не стали подавать двору прошение о даровании ему посмертного имени. Это несколько позднее сделал за них известный сунский книжник Чжан Фан-пин³, лишь тогда Сун Ци получил посмертное имя Цзин-вэнь (景文 «Благодатный и просвещенный»).

Сун Ци был известен и как поэт, одно время даже популярный:

Во второй год Тянь-шэн на провинциальных экзаменах Сун Ци написал лучше всех стихотворение, [называвшееся] «Выбираю себе господина», и там была такая строка: «Гаснет заря среди отблесков за облаками. Все умолкает навстречу медленной луне», — ее знали наизусть все жители столицы. Кандидаты того времени прозвали его Сун Выбираю Господина⁴.

¹ Цит. по: *Дин Чуань-цзин*. Сунжэнь иши хуэйбянь. С. 385.

² Подробнее о Сун Ци см. его официальную биографию в 284-й цзюани сунской династийной истории в приложении к биографии старшего брата, а также материалы в «Сунжэнь чжуань-цзи цзыляо соинь» (Т. 1. С. 738—739), работы Ван Жуй-лая (*Ван Жуй-лай*. Шилунь Сун Ци), Се Сы-вэя (謝思煒 р. 1954) (*Се Сы-вэй*. Сун Ци юй Сундай вэньсюэздэ фачжань) и др.

³ Ч ж а н Ф а н - п и н (張方平 1007—1091) — сунский сановник и эрудит, пользовавшийся у современников большим авторитетом. Второе имя Ань-дао 安道, литературный псевдоним Лэцюань цзюйши 樂全居士. С малых лет проявлял большие способности к учению, обладал удивительной памятью: по свидетельствам современников, мог запомнить любой текст с одного прочтения. Служил в Цензорате, был заместителем начальника Шаншушэна (Управления департаментов). СШ: 318.

⁴ *Оуян Сю*. Шихуа отшельника Лю-и. Фраг. 29.

Будучи сыном своего времени, в стихосложении он, как и старший брат, в юные годы не избежал влияния популярной поэтической школы сикунь, однако с течением времени, не будучи удовлетворен творчеством современных ему поэтов и призывая учиться у стиховорцев предшествующих времен, выработал собственный оригинальный стиль. В антологии «Сун ши цзи ши» (宋詩紀事 «Исторические события в сунских стихах»), составленной Ли Э (厲鶚 1692—1752), помещено более тридцати его стихотворений и сказано, что, будучи в Сычуани, Сун Ци сложил триста стихотворений, объединив их в сборник под названием «Вэй гао» (猥稿 «Вульгарные наброски») ¹. До наших дней дошло также 22 цюани его стихов в составе «Цюань сун ши» (全宋詩 «Все сунские стихотворения») и семь стихотворений в жанре цы в антологии «Цюань сун цы» (全宋詞 «Все сунские цы»). Кроме того, после Сун Ци остались бессюжетные произведения традиционных жанров — заметки, доклады, рассуждения, эпитафии, письма и т. п. Полное собрание его сочинений — «Сун цзин вэнь цзи» 宋景文集 — в сунское время насчитывало сто пятьдесят цюаней, но было утрачено, и мы располагаем лишь цинской реконструкцией в сто цюаней.

Но сегодня Сун Ци — прежде всего автор «Синь тан шу». Это сочинение имеет в его жизни особое значение: оно не только вписало имя Сун Ци в историю, но, по его собственному признанию, работа над «Синь тан шу» (а точнее, необходимое для этого детальное знакомство с разнородными материалами и множеством сочинений) произвела своеобразный переворот в сознании: «Я просмотрел все то, что создал за свою жизнь, и покраснел от стыда, потом покрылся. Мне стало ясно, что я не написал еще ничего достойного» (фрагм. 24).

Для нас же в рамках настоящей работы наиболее интересным является другое сочинение Сун Ци — его сборник «Сун цзин вэнь гун би цзи» (宋景文公筆記 «Заметки господина Сун Цзин-вэня»), пожалуй, самый по объему маленький из сунских бицзи. Этот сборник не является чем-либо особенно выдающимся в истории китайской литературы ² и не столь обширен, как сборник Сунь Гуан-сяня. Однако в названии именно этого сборника впервые был употреблен термин *бицзи* в том смысле, в каком позднее его стали употреблять для обозначения целого направления китайской письменной культуры, и мне кажется невозможным изучение бицзи как явления без краткой характеристики сборника Сун Ци.

Многое из вошедшего в «Заметки...» писалось одновременно (или несколько позже) с «Синь тан шу», работу над которой Сун Ци закончил за год до смерти. Нам неизвестно, когда был составлен сборник; Чао Гун-у

¹ Ли Э. Сун ши цзи ши. Т. 1. С. 264.

² И поэтому, видимо, не обращает на себя внимание исследователей; так, в статье Се Сы-вэя о прозаическом наследии Сун Ци сказано вскользь, а о «Заметках...» специально даже не упоминается, хотя ссылки на это сочинение есть (см.: Се Сы-вэй. Сун Ци юй Сундай вэньсюэда фачжань).

(晁公武 XII в.) в своей библиографии утверждает, что это сделал даже не сам Сун Ци¹. В пользу этого говорит наличие в третьей цзюани выпадающих из общего контекста произведений, имеющих заголовки. Кроме того, в названии этого сочинения фигурирует посмертное имя Сун Ци — Цзин-вэнь, и про него сказано *гун гон*, то есть «[покойный] господин». Вполне вероятно, что первоначальное название сборника было «Би цзи» 筆記 — или у сборника вообще названия не было, — а позже кто-то дал ему другое, более пространное название. Возможно, составителем сборника выступил Ли Кань (李衍 1189—1243), добавивший к тексту короткое послесловие, датированное 1226 г. Послесловие это почти полностью посвящено разбору некоторых встреченных Ли Канем в тексте неточностей или спорных мест, что не помешало ему в конце подчеркнуть заслугу Сун Ци, составившего эти записи, «чтобы то, о чем он слышал от старших, узнали потомки»².

Очевидно, что сборник этот, так же как и все собрание сочинений Сун Ци, не дошел до нас полностью. В библиографическом отделе сунской династийной истории упоминается текст «Заметок...» в пяти цзюанях³; Чао Гун-у говорит о тексте в три цзюани; в библиографии Чэнь Чжэнь-суня (陳振孫 1190—1249) указан текст в одну цзюань⁴; в династийных историях Ляо, Цзинь и Юань сборник не числится вовсе. Название сборника Сун Ци также указывается по-разному: у Чэнь Чжэнь-суня это «Сун цзин вэнь би цзи» 宋景文筆記, у Чао Гун-у — «Цзин вэнь би лу» 景文筆錄. Возможно, речь идет о двух разнящихся друг от друга текстах, кусках в силу каких-то причин утраченного первоначального, из которых до нас дошел один; возможно, это один и тот же текст, по-разному скомпонованный. Так или иначе, но к цинскому времени сборник дошел в известном нам сегодня объеме и под названием «Сун цзин вэнь гун би цзи», и цинский Чжоу Чжун-фу (周中孚 1768—1831) упоминает о тексте в три цзюани⁵. Очевидно, сборник подвергался поздним реконструкциям, что стало еще одной причиной неоднородности и неровности его композиции.

Итак, в известном ныне тексте «Заметок...» три цзюани, в которых объединено сто шестьдесят шесть фрагментов. Все три цзюани имеют заголовки.

Цзюань первая носит название «Ши су» (釋俗 «Толкование обычаев»). Среди составляющих ее фрагментов (их тридцать два) можно выделить несколько более или менее устойчивых тематических групп.

1. Заметки, наблюдения автора, касающиеся иероглифов, пишущихся или употребляемых, с точки зрения Сун Ци, неверно, причины чего автор

¹ Чао Гун-у. Цзюнь чжай ду шу чжи цзяо дэн. С. 574.

² Сун Ци. Указ. соч. С. 27.

³ Сун ши и вэнь чжи. С. 1023.

⁴ Чэнь Чжэнь-сунь. Чжи чжай шу лу цзе ти. С. 308.

⁵ Чжоу Чжун-фу. Чжэнь тан ду шу цзи. Т. 2. С. 1105.

предлагает искать, в частности, в тех давних временах, когда еще не существовало стандартизированного написания:

В древности не было единого [написания] иероглифов, и многие [знаки] заимствовали [по сходности]: *чжун* 中 заменяли на *чжун* 仲, *шо* 說 заменяли на *шуй* 幌, *чжао* 召 заменяли на *шао* 邵, *цзянь* 閒 заменяли на *сянь* 閑 (фрагм. 21).

А последующие поколения, следуя такому разнообразию, и вовсе дело запутали:

Видю я часто, что нынешние в знании никак не достигают основательности древних. И каждый раз [мне] стыдно. Некогда читал я нечто о жертвоприношениях, и там были знаки *жэньци* 任器, а в комментарии сказано: [смысл] неясен. Но ведь *жэньци* — это то, что носят на плечах. Больше читай философов да историков — и все ясно будет (фрагм. 17).

Сун Ци дает правильное написание иероглифов, объясняя, почему возникла ошибка; приводит первоначальное написание, объясняет особенности употребления того или иного иероглифа, подкрепляя свою точку зрения примерами из сочинений предшественников, где употребляются интересные его иероглифы, в том числе и из древнейших памятников. Или — разыскания такого типа:

При дворе есть *гудоцзы* 骨朵子, «булавоносцы», почти то же самое, что и дворцовая стража. Как-то на досуге я стал доискиваться, в чем тут дело. Обладателей больших животов жители [земель] внутри застав (то есть обитатели срединных равнин, собственно Китая. — И. А.) зовут 胠毛, первый [иероглиф читается] *гу*, второй — *ду*. Поскольку в просторечии начальник стражи тоже называется *гуду*, впоследствии и стали говорить *гудо* 骨朵, [где] *до* произносится в ровном тоне, но подобрать похожий по звучанию слог трудно, а теперь так называют идущего впереди войска. Уже не изменишь! (фрагм. 3).

2. Фрагменты, где Сун Ци разъясняет смысл того или иного слова, прослеживая отчасти и историю его происхождения:

У господина Сун Сюань-сяня есть сочинение «Лу бу цзи» (鹵簿記 «Записки о жезлоносцах [императорской свиты]»). [Я] дошел до древка *баошо* 擗槩¹ и не смог определить его происхождения. И все ученые, к которым я обращался, не знали [этого]. Лишь через десять лет я сумел дознаться истоков: рассказывают, что на левом берегу Реки [в свое время] были секиры *бошо* 瓜槩², с навершием — большим, словно тыква. Оттуда и пошло» (фрагм. 5).

Сун Ци упоминает и используемую в китайских толковых словарях систему передачи чтения иероглифа *фаньце*³. Нередко сообщаемые в «Записках...» сведения носят этнолингвистический характер:

¹ Ба о ш о — древко с резным изображением горбатого быка как символа могущества. Это древко жезлоносцы несли перед императорской процессией.

² Бо ш о — распространенная во времена правления династии Суй секира с головкой в форме небольшой тыквы.

³ Ф а н ь ц е — система записи чтения иероглифа, когда для определения чтения берут два других знака и от первого берется инициаль, а от второго — финаль. Введение в употребление

Южане все реки называют *цзян* 江, а северяне все реки называют *хэ* 河, из-за диалектных различий в названиях рек Хуай и Ци нет полной ясности (фрагм. 11).

Несколько фрагментов посвящено обычаям, распространенным в сунском Шу (совр. пров. Сычуань): стариков, например, там называют не *лао* 老, а *по* 皤. Или:

Жители Шу, увидя что-то необычное, в удивлении восклицают: «И-си-си!» («Ох-ох!»). Это восклицание использует Ли Бо в стихотворении «Трудны дороги в Шу» (фрагм. 14).

Сюда же можно отнести и немногочисленные фрагменты, где речь идет о некоторых реалиях животного мира:

Цзюй-гун рассказывал: к северу от Реки (то есть Янцзыцзяна. — *И. А.*) есть рыба *ванвэй* 王鮪 «царский осетр» — это то же, что нынешний окунь. По форме напоминает свинью, а рот и глаза у него на брюхе. Каждый год во вторую луну весны [ванвэй] вылезает из каменных нор, добирается до воды, идет вверх по течению, и тогда его ловят. От [ванвэя] исходит такой рыбный дух, что и приблизиться невозможно. Чиновные люди солят его впрок, [чтобы] поднести двору. Вкус у [ванвэя] изысканнейший, но он ядовит. Еще его называют «живущий в горных пещерах царский осетр»¹ (фрагм. 12).

3. Фрагменты, касающиеся тех или иных обычаев, распространенных в современном Сун Ци китайском обществе. Например, весьма интересно довольно пространное рассуждение о бумаге:

В древности все книги писались исключительно на желтой бумаге и потому называли их *хуан цзюань* (黃卷 «желтые свитки»). У Янь Чжи-туя сказано: «В Поднебесной книг не перечесть, желтым всех ошибок не замазать». [Речь идет о] желтой краске, цветом такой же, как и бумага, потому ее и использовали, чтобы исправлять ошибки. А ныне пишут на белой бумаге, знатоки исправляют ошибки желтым. Цвета не сходятся. Вот только даосские и буддийские сочинения все еще пишутся на желтой бумаге (фрагм. 7).

Тут же есть заметки о каменных гонгах, надмогильных стелах, об одежде придворных, учености и пр. Например:

В последнее время те, кто получают [должность] гуаньчаши, не носят на пояс золотую рыбку. Когда знаменитому чиновнику Цянь Жо-шуйю (錢若水 960—1003) первому пожаловали [должность] гуаньчаши, он именно так и повесил рыбку на пояс, встречные же удивлялись и [приставали] с расспросами, так что Жо-шуй утомился давать объяснения [насчет этой подвески] и сочинил историю о танском инородце, который носил [рыбку] в рукаве, а когда спрашивали, — показывал (фрагм. 1).

Или:

этой системы связывают с именем известного комментатора классических сочинений Сунь Яня 孫炎, жившего при Вэй во времена Троецарствия (220—265).

¹ С каким именно животным следует ассоциировать этого ванвэя, я сказать затрудняюсь; по крайней мере, ханьский Чжан Хэн (張衡 78—139) утверждал, что 王鮪岫居 «ванвэй в горных пещерах живет», а также что его можно использовать на манер черепахи при трех ритуальных службах (в честь духов неба, земли и умерших): 能鱉三趾. А живший позднее Лу Ци (陸機 216—303) писал, что 王鮪懷河曲 «ванвэй таится в излуцинах рек».

Стелы — если устанавливали у могильного холма, значит, в нем покоится гроб; если устанавливали у храма, значит, чтобы привязывать жертвенных животных. Об этом древние и делали надписи на [стелах]. А ныне буддийские храмы громадные куски камня выбирают, гравировать на них тексты, и люди из высших слоев общества складывают [для стел надписи] и зовут их эпитафиями, — к все чему это? Вот что мне неясно (фрагм. 9).

4. Фрагменты, посвященные поэзии и весьма напоминающие ранние сунские *шихуа* (詩話 «рассуждения о стихах») ¹, где Сун Ци высказывает свое мнение о стихах (отдельных стихотворных строках) тех или иных авторов, сравнивает их, перечисляет поэтов, которых считает достойными или выдающимися, приводит заинтересовавшие его суждения других лиц о поэзии и о поэтах. Среди упоминаемых поэтов — Ли Бо (李白 701—762), Ду Фу (杜甫 712—770), Лю Юй-си (劉禹錫 772—843), Ян И, Мэй Яо-чэнь (梅堯臣 1002—1060) и некоторые другие. Например:

Цзайсян Янь ² — признанный мастер стихосложения нынешнего века. На склоне лет [я] видел собрание написанного им — за десять тысяч произведений перевалило! Ни у кого из танских авторов, [чьи сочинения] дошли до нас, такого и рядом нет. Но цзайсян сам свои творения не очень-то ценил. И те, кто гостили [у него] в доме, а также и его подчиненные, что называется, растаскивали [его] звуки и рифмы, использовали их для поэтических экспромтов (фрагм. 26).

Сюда же примыкают и некоторые записи о современниках Сун Ци:

Мой знакомец Ян Бэй 楊備 добыл «Шан шу» ³, написанный чжоуским письмом ¹, перевел и прочел. Велика была его радость! С тех пор [он] все

¹ Первое произведение, несущее в названии иероглифы *шихуа* и считаемое родоначальником жанра, появилось уже после смерти Сун Ци — это «Лю-и ши хуа» (六一詩話 «Шихуа [отшельника] Лю-и») Оуян Сю, датированное 1070 г.

² Имеется в виду сунский литератор и сановник Янь Шу (晏殊 991/993?—1055). Уже в юные годы проявил недюжинный литературный талант, семи лет от роду умел слагать стихи, заслужил от земляков прозвание «божественного отрока» и, выдержав дворцовые экзамены для талантливых подростков, получил степень цзиньши, а также должность сверщика текстов в Императорской библиотеке. Состоял в свите будущего императора Жэнь-цзун, а когда Жэнь-цзун взшел на трон (1023), стал его советником и придворным чтецом. Принимал деятельное участие в составлении «Чжэнь-цзун ши лу» (真宗實錄 «Правдивые записи о Чжэнь-цзуне»). В 1030 г. был назначен главным экзаменатором и присудил первое место на экзаменах Оуян Сю. Позднее стал членом придворной академии Ханьлиньюань, но из-за строптивости был выслан управлять областью Сунчжоу (Хэнань). Через некоторое время был возвращен ко двору, а первым министром стал в 1043 г. Имел склонность к дружеским пирушкам, где за вином сочинялись поэтические экспромты. Его поэтические произведения, по свидетельству современников, отличались особым изяществом и тонкостью стиля. СШ: 311.

³ То есть «Шу цзин» 書經, один из наиболее почитаемых древнекитайских письменных памятников, название которого принято переводить как «Книга истории» или «Книга документов». Составление и редактирование «Шу цзина» приписывается Конфуцию. Судить об этом с полной определенностью мы не можем, так как подлинный текст книги не дошел до наших дней: в период правления династии Цинь (221—207 до н. э.), когда император Цинь Ши-хуан предпринял массовое сожжение негодных ему книг, «Шу цзин» также был уничтожен, однако в 178 г. до н. э. частично был восстановлен. Вообще история этого памятника весьма терниста: он часто терялся, потом находился, возникали сомнения в его подлинности и даже высказывались соображения о фальсификации текста. Известный ныне «Шу цзин» состоит из пятидесяти восьми глав, из которых только тридцать три не вызывают сомнения в подлинности. По содержанию «Шу цзин» представляет собой собрание преданий, мифов, легенд, запи-

документы и бумаги писал чжоуским письмом. Коллеги и приятели ничего не понимали и называли [Яна] странным (фрагм. 22).

Цзюань вторая (шестьдесят восемь фрагментов), название которой «Као гу» 考古 мы условно переводим как «Разыскания в области древностей»², принципиально не отличается от первой — ведь, по сути, вся работа Сун Ци как типичного китайского книжника сводилась именно к разысканиям в области разного рода древностей и поискам первоначального смысла слов и содержания понятий; все крупные темы первой цзюани встречаются и здесь. Однако акцент на обычаях не столь силен, и потому можно выделить несколько иные главные тематические группы.

1. Фрагменты, посвященные известным ученым (в первую очередь конфуцианцам) прошлого и современникам Сун Ци. Сюда мы включаем высказывания о поэтах и поэзии; замечания вроде того, как правильно следует писать имя Бао Чжао³:

Ныне часто [в имени] Бао Чжао ошибочно пишут *чжао* 昭» (фрагм. 32).

заметки о высказываниях и сами высказывания исторических лиц и знаковых Сун Ци:

Покойный господин Сун Сюань-сянь⁴ как-то сказал, что Цзо Цю-мин⁵ достиг мастерства в описании дел человеческих, а Чжуан Чжоу¹ достиг мас-

сей исторических событий, правительственных распоряжений и пр., по времени относящихся к XXIV—VIII вв. до н. э. Обилие конфуцианских идей (принципы государственного управления, требования к правителю Поднебесной, этико-моральные категории) говорит о том, что если и не сам Конфуций, то уж его ученики и последователи непременно приложили руку к обработке текста.

¹ Чжоуское письмо — имеется в виду почерк «большая чжуань» — стиль написания иероглифов, появившийся в результате реформы письменности, имевшей место при чжоуском Сюань-ване (827—782 до н. э.); чжоуское письмо мало в чем принципиально отличается от древнейших надписей на гадательных костях и бронзовых сосудах.

² Английский вариант перевода: *Researches into Antiquity (A Sung Bibliography. P. 279).*

³ Бао Чжао (鮑照 405/412?—466?) — выдающийся поэт эпохи Шести династий (420—581), чье творчество получило признание лишь в последующие исторические эпохи. Из бедняков. Классический пример китайского книжника, не сумевшего в жизни добиться желаемого: в службе ему не очень везло, а дни свои поэт закончил, сложив голову во время солдатского мятежа. До наших дней дошло немногим более двухсот его стихотворений, из которых восемь десятков относится к жанру *юэфу*, народных песен. Многие произведения поэта полны чувства тоски и безысходности.

⁴ Сун Сюань-сянь — сунский сановник, историк, библиофил и каллиграф Сун Шоу (宋綬 991—1040), посмертное имя которого было Сюань-сянь 宣獻. Пытливую страсть к знаниям проявил уже в юности, чему способствовала и обширная домашняя библиотека. Звание цзиньши получил без экзаменов. Служить начал рано и занимал при дворе ряд высоких постов, в том числе был *цаньчжи чжэньши* (1033), сюэши в придворной академии Ханьлиньюань, а также участвовал в составлении хроники правления императора Чжэнь-цзуна и в подготовке материалов для сунской династийной истории. Был глубоким знатоком исторических и канонических конфуцианских сочинений, признанным мастером прозы старого стиля. Собрание его сочинений утеряно, дошли только отдельные сочинения в составе антологий. СШ: 291.

⁵ Цзо Цю-мин (左丘明 кон. VI—V до н. э.) — выдающийся историограф китайской древности, современник Конфуция (551—479 до н. э.), автор комментария «Цзо чжуань» (左傳 «Комментарий Цзо») к известной исторической хронике «Чунь цю» («Весны и осени»). Текст памятника представляет собой летопись, охватывающую события с 722 по 468 г. до н. э., и содержит главным образом описания исторических событий и диалоги исторических лиц.

терства в речах о Небесном Дао — и совершенные творения этих двух мудрецов ничто не может превзойти. Даже если бы снова появились в свете совершенномудрые — и они не смогли бы ничего добавить. Я же почитаю главы о Дао и Дэ Лао-цзы первопредком речений о сокровытом, «Ли сао» Цюя² и Суна³ — первопредком одической поэзии, «Исторические записки» Сыма Цяня — первопредком исторических записей и биографий. Ничто из того, что было создано позже, — что ни возьми — не может ни в чем это дополнить (фрагм. 65).

2. Фрагменты, объясняющие, почему так много ошибок делают современные Сун Ци ученые — их неграмотность, с одной стороны, базируются на незнании одного из первых китайских толковых словарей «Шо вэнь цзе цзы» 說文解字, в котором они могли бы справиться об изначальном смысле того или иного иероглифа:

Ученые не читают «Шо вэнь», и я считаю, что это неправильно (фрагм. 48).

Целая серия примеров иллюстрирует ошибки, возникающие из-за подобного рода неграмотности. С другой стороны, неграмотность кроется в простом невежестве, малой начитанности ученых в древних текстах и произведениях предшественников:

В древности говорили: уж если ты тупой невежда, то этого не скроешь (фрагм. 63).

Эта неграмотность проистекала и из-за простого отсутствия книг:

В конце [правления династии] Тан книжные собрания рассеялись-пропали, потому конфуцианцы плохо владели грамотой (фрагм. 44).

Особую трудность при чтении старых текстов представляют так называемые *вэйцзы* (偽字 «ложные иероглифы»), особое распространение получившие при династиях Поздняя Вэй и Северная Ци (534—577).

3. Фрагменты, посвященные уточнению мест из различных сочинений. В первую очередь это разного рода замечания, разъяснения, текстологические комментарии к фрагментам текста или даже отдельным иероглифам из «Хань шу» (漢書 «История [династии] Хань») либо пояснение смысла комментария на «Хань шу», сделанным Янь Ши-гу (顏師古 581—645);

¹ Чжун Чжоу (庄周 ок. 369—ок. 286 до н. э.), он же Чжуан-цзы 庄子 — прославленный китайский философ, один из основоположников даосизма, автор трактата «Чжуан-цзы». Одно время состоял на государственной службе — занимал незначительную должность, но потом отказался от службы и повел независимый образ жизни.

² Имеется в виду древнекитайский поэт Цюй Юань (屈原 340?—289? до н. э.) и его поэма «Ли сао» (離騷 «Скорбь изгнанника»), повествующая о горькой участи человека, очутившегося в изгнании из-за того, что он пытался предотвратить гибель родины (царства Чу, захваченного Цинь), а также о не менее печальной судьбе народа, преданного сановниками. Будучи в изгнании и отчаявшись добиться справедливости, Цюй Юань покончил с собой, бросившись в реку. Существует четыре варианта переводов «Ли сао» на русский язык — А. Ахматовой, А. Гитовича, А. Балина и М. Кравцовой (часть).

³ Сун — знаменитый древнекитайский поэт Сун Юй (宋玉 290?—223? до н. э.), которого считают крупнейшим поэтом после Цюй Юаня. Существует мнение, что Сун Юй даже приходился Цюй Юаню дальним родственником. Самое известное его произведение — поэма «Девять рассуждений», в значительной своей части перекликающаяся с «Ли сао».

также это замечания о комментариях философа Ван Би (王弼 226—249) на «И цзин» (易經 «Книга перемен»).

4. Фрагменты, где речь идет о прозаических (бессюжетных) произведениях и их авторах — древних и современных Сун Ци. Эти фрагменты носят текстологический характер и представляют собой высказывания (оценки) самого Сун Ци или других лиц по поводу того или иного произведения или автора. Часто упоминаются великие танские поэты и мыслители Лю Цзун-юань (柳宗元 773—819) и Хань Юй, Сун Ци нередко сравнивает их друг с другом и пишет об их достоинствах: Лю Цзун-юань, например, используя стиль древних, сумел, тем не менее, передать с его помощью совершенно новое содержание и т. д.

5. Фрагменты, посвященные рассуждениям об управлении государством.

«Чунь цю» — истинный закон Поднебесной. У Кун-цзы был талант управлять Поднебесной, но [такая] возможность [ему] не представилась, оттого чаяния свои он и воплотил в «Чунь цю», дабы благодаря этому вся Поднебесная радовалась и [правителей] славилась, а люди достойные не смели думать о личном, дабы Поднебесная не хулила [правителей] в рассуждении, а злодеи не смели чинить беспорядки (фрагм. 71).

Сун Ци приводит образцы совершенных правителей: например, ханьский Гао-цзу (на троне 205—195 до н. э.), управлявший, по словам Сун Ци, столь мудро, что его преемники крепко держали в руках бразды правления и ни в чем беспокойства не испытывали. По убеждению Сун Ци, у власти должны стоять люди просвещенные. Однако история знает и другие примеры:

В мире славят Вэнь-ди¹ — ханьского владыку великих добродетелей. Но из ученых-конфуцианцев при [его] дворе был всего один Цзя И, а те, кто занимали министерские должности, — всё были люди заурядные, свирепые военачальники времен Гао-цзу², они не очень-то смыслили в церемониях и му-

¹ Вэнь-ди — ханьский император Лю Хэн (劉恆 202—157 до н. э., на троне 180—157 до н. э.), третий сын основателя ханьской династии. Основу государства видел в развитии сельского хозяйства, для чего неоднократно снижал налоги, что, впрочем, шло на пользу в первую очередь крупным землевладельцам; однако полная отмена земельного налога в 167 г. до н. э. содействовала укреплению центральной власти в государстве. Этому же способствовала и начавшаяся при Вэнь-ди практика продажи титулов и званий, что отвечало амбициям владетельных князей. Большое значение придавал Вэнь-ди также упорядочению законодательства, позволяющему укрепить власть и одновременно облегчить положение простых людей. Император боролся с бессмысленной расточительностью, в частности, выступил против пышных обрядов погребения. Также он упорядочил отношения с государственным образованием Наньюэ, несколько ранее провозгласившим независимость от Хань; Вэнь-ди удалось вернуть Наньюэ в состав государства. В 162 г. до н. э. Хань заключила родственный союз с сюнну, до того весьма беспокоившими империю, и хотя сюнну нет-нет да совершали мелкие набеги, Вэнь-ди не придавал им особого значения и не начинал ответных военных действий. Вэнь-ди умер в возрасте сорока шести лет от болезни.

² Гао-цзу — основатель ханьской династии Лю Бан (劉邦 256—195 до н. э.). Императорский титул принял в 202 г. до н. э. Дабы решить проблему недостатка рабочих рук (население весьма сократилось в результате предыдущих опустошительных войн), частично распустил армию и дал свободу лично зависимым людям. Ввел общие для всей империи законы, основывавшиеся на циньском законодательстве, но с дополнениями, изменениями и сокращениями. Лю Бан проводил политику унижения купечества: запретил купцам носить шелковые

зыке, установлениях и правилах. В те времена «Ши [цзин]» и «Шу [цзин]» в мире не распространялись, их не было, однако в Поднебесной царил великий мир, войска, как говорится, не ликовали, владетельные князья находились в подчинении, Наньюэ исполнилось добродетели, сюнну хотя несколько раз и нарушили злодейски границы, но глубоко вторгаться не осмеливались. Отсюда и пошли суждения, что для управления Поднебесной достаточно природных талантов, а просвещение ценить не следует. Стали говорить, будто природные таланты — близки к истинному, а изящное слово — слава одна. Изящное слово иссякло, а народ притворно радовался! (фрагм. 79).

Если первые две цзюани более или менее однородны, то цзюань третья (шестьдесят шесть отрывков) полностью отвечает своему названию «Цза шо» (雜說 «Разные высказывания»).

1. Высказывания, занимающие сравнительно большой объем и посвященные вопросам управления государством, а также взаимоотношениям государя и подданных:

Тот государь, что исключителен, смиряет зловерное, прекращает войны, а чиновники следуют его указам, и тогда все дела осуществляются. Хочешь обуздать окраины, сначала упорядочи центр. А центр — это и есть государь (фрагм. 101).

Или:

То, чего получить нельзя, владыке не следует просить; то, чего нельзя запретить, Владыке не следует запрещать; то, чего нельзя исполнить, Владыке не следует приказывать. Потому и говорят: больше просишь — меньше получаешь, ретивее запрещаешь — меньше слушаются, больше приказываешь — медленнее исполняют. Про Владыку, который просит, но [просимого] не получает, говорят: потерял влияние; [про Владыку], который просит то, что просить не следует, и своего добивается, говорят: бесчеловечный; [про Владыку], который запрещает, а его не слушают, говорят: недостойный; [про Владыку], который запрещает то, чего не следует запрещать, говорят: жестокий; [про Владыку], который приказывает, а [приказов] не слушаются, говорят: потерял уважение; [про Владыку], который приказывает то, что не следует исполнять, и своего добивается, говорят: порочный. Вот почему совершенномудрые придавали большое значение устранению [таких] ошибок: отринешь эти три «не следует» — и прекрасно! (фрагм. 106).

2. Высказывания о мироустройстве, о соотношении земли и неба. Далеко не все из приводимых тут сентенций принадлежат самому Сун Ци, однако ссылок на источники почти нет.

Еда — то, от чего зависит жизнь человеческая. [Поешь] своевременно — и сыт, а [коли есть] нечего — страдаешь. А от очень сильного страдания — смерть. Законы — то, от чего зависит покой в государстве. Правильные [законы] — и порядок [царит], упречные — и смута. А от очень сильной смуты — конец [государству] (фрагм. 108).

одежды и ездить в экипажах, кроме того, обложил их тяжелыми налогами. Исподволь боролся с владетельными князьями, лишая их земель и влияния. Выходец из простой крестьянской семьи и человек малообразованный, Лю Бан дальновидно отменил циньские законы о запрещении конфуцианских книг, стал привлекать на службу ученых, установил императорскую опеку над последователями Конфуция — словом, всячески способствовал появлению класса ученых-начетчиков, в сознании которых учение Конфуция неразрывно было связано со службой централизованной монархии, возглавляемой императором.

3. Короткие — от восьми до двадцати иероглифов — высказывания афористического характера о самом разном (многие написаны ритмической прозой):

Нет ничего живительней дождя и росы, а роскошные травы высыхают опять; нет ничего свирепей инея и снега, а сосны и кипарисы зелены и зимой (фрагм. 122).

В век избавления от смуты о книжности не говорят; в век стремления к покою о войнах не говорят (фрагм. 147).

В лес пойдешь, топор забыв, — хворост не добудешь (фрагм. 155).

Такие фрагменты сосредоточены в конце данной цзюани.

Особняком стоят помещенные в конце цзюани четыре фрагмента — они отличаются и по объему, и по содержанию. Это произведения автобиографического характера: текст эпитафии и мемориальной стелы для могилы автора, а также обращение к родственникам с разъяснением, как нужно поступить с телом Сун Ци после его смерти. Эпитафию и текст для стелы Сун Ци составил сам. Нельзя не обратить внимания на самоуничижительный (вполне, впрочем, традиционный) характер эпитафии, а также и других автобиографических фрагментов сборника. Сун Ци настойчиво повторяет, что недостойн возвеличивания после смерти, ибо не сделал ничего выдающегося как государственный муж; он даже просит потомков не тратить силы и время на составление собрания его сочинений, ибо и в этой области он не создал ничего заслуживающего внимания (с последним, конечно, нельзя согласиться, вспомнив хотя бы «Синь тан шу»):

После того как я умру, оповестите всех в семье, чтобы собрались для проведения похоронной церемонии. Совершите омовение и обрядите меня в плащ из журавлиных перьев, тюлевую шапку и нитяные сандалии. Через три дня [совершите положение в] гроб, через три месяца предайте тело земле, но ни в коем случае не слушайтесь гадальщиков школы иньян! Для гроба возьмите дерево низкого качества, лаком покройте гроб вместо четырех только три раза — вполне достаточно, чтобы мои бранные останки сохранились в течение нескольких десятков лет, а большего и не надо. Жизнь моя вспыхнула ярко, а теперь [я] смешиваюсь со всем сущим, возвращаюсь в первозданную пустоту и сольюсь воедино с разлагающимся в могиле [телом]. Там [меня] ждет беспредельность — что же мне роптать? А могилу выкопайте на глубину в три чжана, устройте маленькую усыпальницу, чтобы поместился лишь гроб да погребальная утварь. Слева [от гроба] поставьте две миски с чистой водой и две корчаги с вином, справа поставьте два короба с рисовой мукой, положите один комплект придворного платья и один — приватного, а также расшитые туфли. Слева установите [стелу] с эпитафией, а на обратной стороне высеките поминальное слово. Насыпьте могильный курган — чем проще и скромнее, тем [лучше]. Не надо класть в могилу золотые и бронзовые предметы. То, чему я следовал [при жизни], не получило широкого признания, мои сочинения — произведения человека средних способностей — недостаточны для того, чтобы славили меня потомки. А ведь когда я служил, жалованье [мое] не превышало двух тысяч *ши*¹ — можно прокормить несколько человек! Нет у меня заслуг перед го-

¹ Ш и — мера веса, немногим более 3,5 кг. Ши, наряду с *дань* (103,5 кг), была традиционной единицей исчисления ежемесячного оклада чиновника. При Тан и Сун чиновничье жалованье, в целом исчисленное в ши или дань, выплачивалось комбинированно: то есть собственно

сударем, людям я не оказывал милостей — не следует и просить о даровании мне посмертного имени, не надо принимать подношения средств для похорон, не должно и обращаться к выдающимся мужам, чтобы они составили эпитафию и текст поминальной стелы. На могильном кургане же посадите пять плакучих кипарисов, а насыпь сделайте высотой в три чи. Не надо звать для поминальной службы ни даосов, ни буддистов. Вот о чем я прошу при жизни. Ни в чем не нарушайте моих наказов, ведь если нарушите — я уж буду мертв и ничего о том не узнаю. Когда же в трауре будете посещать мою могилу, не надо устанавливать четыре погребальных бунчка, как это делают обычно, а используйте простую одежду и утварь, дабы почтить мое стремление к скромности. То, о чем говорил я при жизни, не представляет собой ничего особенного, и для меня важно, чтобы [вы] не имели намерений составить собрание [моих] сочинений... (фрагм. 164).

Перечисленные выше группы фрагментов характеризуют сборник «Сун цзин вэнь гун би цзи» как памятник, скорее тяготеющий к документальности, близкий к ранним сунским бицзи, но в то же время, несмотря на малый объем, тематически очень пестрый и разнообразный (в отличие от «Бэй мэнь со янь» Сунь Гуан-сяня). Видя, что «современники не достигают глубин древних», Сун Ци старался уточнить неясное и исправить неверное. Истинное знание для него в большой степени связано с изначальным смыслом иероглифов и с правильным их написанием, что способствует правильному пониманию смысла выражений и связанных с ними обычаев. В своих разысканиях Сун Ци, в соответствии с традицией, постоянно опирается на мнения и произведения авторитетных для него лиц, часто пользуется примерами из стихов и еще чаще ссылается на то, что видел и слышал сам, или на слова своего старшего брата, которого именует не иначе как почетным титулом Цзюй(го)-гун 菑(國)公, дарованным Сун Сяню императорским двором за заслуги.

Сборник Сун Ци, таким образом, представляет собой эссеистическое собрание отдельных, бессюжетных и не связанных общей фабулой, законченных записей (фрагментов), как правило коротких и лаконичных. Характер сборника подчеркивает и то обстоятельство, что в нем свободно совмещаются чисто информационные фрагменты, эстетические оценки, поэтические строки, афоризмы, фрагменты автобиографического характера, но нет сюжетных произведений. «Сун цзин вэнь гун би цзи» можно сравнить с записной книжкой ученого, где содержатся различные рабочие материалы, не нашедшие употребления при работе над другими сочинениями. И хотя эти материалы не разделены на четкие тематические группы, в сборнике явственным образом прослеживаются основные темы, которые

зерном, а также деньгами (около одной трети) и изделиями — одеждой, топливом, шелком, письменными принадлежностями и т. п. Размер оклада чиновника определялся рангом его должности. Такие должностные оклады, в противоположность отдаваемым в кормление землям или удержанию в свою пользу определенной части собираемых на подконтрольных землях налогов, впервые были введены при династии Хань.

составляли главный интерес автора и к которым автор в разных местах возвращался: государственное управление, исправление ошибок, оценка поэтических произведений и пр. Сам же автор сборника, Сун Ци, предстает перед нами одним из лучших образцов китайских книжников — постоянно сомневающимся в совершенстве своих знаний и всю жизнь стремившимся к расширению этих знаний, возводя точное знание в ранг абсолюта; предъявлявшим высокие, подчас почти невыполнимые требования как к себе, так и к окружающим и потому вечно строгим к малейшим неточностям и небрежностям. Он не был баловнем судьбы, этот Сун Ци, и все, чего он добился в жизни, далось ему тяжким трудом, отчасти компенсировавшим отсутствие большого таланта: «Небо одарило меня талантами обычного человека, а обычный человек таков, что не может заставить имя свое греметь в мире»; работать каждый день, неутомимо грызть гранит науки, истово трудиться — и это принесет плоды; невежды же вызывали у Сун Ци искреннее негодование, граничившее с брюзжанием; верно, в жизни Сун Ци был сухой педант, строгий и бесстрастный, но наверняка мы не узнаем этого никогда.

